

гастроль

19 декабря 2003 — 10 декабря 13.

НЕ ВЫКЛЮЧАЙТЕ ДИВУ

ИЛЬЯ КУХАРЕНКО

В Доме музыки на Красных холмах состоялся еще один московский концерт американской сопрано Джесси Норман. Это было ее третье и последнее выступление на фестивале «Владимир Спиваков приглашает».

Концерт благодаря своей программе обещал быть наиболее броским и понятным самой широкой аудитории. Хабанера и сегидилья из «Кармен» и чарующая ария коварной Далилы из оперы Сен-Санса знакомы любому если не по музыке из мобильных телефонов, так из выступлений фигуристов. А уж гершвиновские хиты «The man, I love», «Love is here to stay» и «Summertime» — и подавно. Владимир Спиваков дополнил вокальные номера увертюрой из «Кармен», сюитой из «Американца в Париже» и «Паваной» Форе.

Но случилось непредвиденное — и открывающий программу полонез из «Евгения Онегина», и увертюра Бизе, и последующие хабанера с сегидильей игрались и пелись с мощной и совершенно бессмысленной микрофонной подзвучкой. Это, конечно, не помешало мисс Норман, вышедшей к публике в русалочьего цвета накидке из плиссированного газа, выдать все ее фирменные рыки и шепоты в до невозможности медленной хабанере и страстной сегидилье. Она, конечно, настоящая Плава Лагуна из «Пятого элемента» (очевидно, что именно Норман «загадывает» Бессон в этом фильме), но звучало все чуть резковато.

На третьей арии Далилы подзвучку наконец выключили, и зал убедился, что певица еще вполне в состоянии наполнить звуками даже

такое большое и акустически неудобное помещение. Это был самый лучший момент концерта: Норман не соблюдала канонических акцентов, брала дыхание там, где это положено не делать, но музыкально и актерски ее Далила была столь оправданна, что все возражения разом отменялись.

Далее последовал «Американец в Париже» — казалось бы, эту музыку Владимир Спиваков должен играть как никто, но нет — искрометного исполнения, заставляющего публику пританцовывать, не вышло. Зал откровенно скучал. Если бы maestro перестал гоняться за лаврами великого интерпретатора великих симфоний и сконцентрировался и отполировал до блеска легкомысленных французов и полуклассических американцев в своем репертуаре, — возможно, сейчас у нас в России был бы второй Вилли Босковски. Никто ведь не отнимает у Спивакова ни светского лоска, ни сценического обаяния, ни вкуса к развлекательности.

Но, так или иначе, настал черед Норман показать себя в полуджазовых гершвиновских songs, которые она пела и в компании с известными джазменами, и в сопровождении классических оркестров. Для Москвы Норман приберегла вариант более импровизационный, рассчитанный на микрофон, с множеством нюансов и голосовых хитро-

сплетений. Но микрофон-то ей так и не включили, и вся эта красота потонула в первых рядах партера, оставив остальных слушателей несолоно хлебавши. Лишь когда дива вновь спела «Summertime» на бис, подзвучку таки восстановили, и это хоть как-то скрасило жизнь.

Публика расходилась недовольная и разочарованная. Кто-то бросал презрительные реплики насчет еще одной состарившейся примадонны, которая приехала к нам, только разучившись петь, кто-то вспоминал, как ругали Джесси Норман западные критики за ее проекты и концерты последних лет.

Конечно, мисс Норман не начинающая певица и двадцать лет назад голос ее и правда был мощнее и подвижнее, а манеры, напротив, — чуть сдержаннее. К тому же сейчас все то, что она делает, уже не новость. Еще вчера она была первооткрывательницей и культовой фигурой постмодернизма, а сейчас проторенными ею тропами идут десятки певиц, заслоняя своими успехами значимость первоисточника. Понятно и то, что западные критики, наблюдавшие за всеми взлетами этой феноменальной карьеры воочию, сейчас, когда дива лишь повторяет свои нашумевшие программы прошлых лет, испытывают некоторое разочарование. А нам-то с чего?

РХРД-13

Четырнадцать лет назад запись «Кармен» с Джесси Норман стала шоком для музыкального мира, но и сегодня многие русские слушатели были шокированы непривычностью ее трактовки